

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Шик, блеск, красота

«Научная книга»

Серова М. С.

Шик, блеск, красота / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Модельер Алена Мельник решила привлечь внимание к показу своей коллекции необычным способом: пригласила демонстрировать модели не профессиональных манекенщиц, а известных женщин города. В их число попала и частный детектив Татьяна Иванова. Лучшее платье должна была представлять Инна Прокопчук, следователь налоговой полиции. И вот выход Инны: молодая женщина проходит по подиуму в сверкающем изумрудном одеянии... и падает замертво. Пришлось Ивановой вспомнить о своей основной профессии, к тому же муж убитой попросил ее выяснить, от чего погибла его жена. Экспертиза показала, что платье Инны было пропитано ядом. Татьяна в растерянности – сделать это мог кто угодно: от участницы показа до уборщицы Дворца культуры. И тут выяснилось, что злополучный наряд должна была демонстрировать совсем другая женщина...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Шик, блеск, красота

Пролог

Не знаю уж почему, но как-то у всех сложилось мнение, что законодателей моды следует искать непременно в столице. Я и сама долгое время придерживалась этой мысли, считая, что там и жизнь ярче, и люди богаче, следовательно, и возможностей развернуться больше. Считала и, может, так и продолжала бы считать, не приди мне однажды маленькая открыточка с самым незамысловатым текстом. В ней говорилось о том, что меня, Татьяну Иванову, одного из самых известных частных детективов в нашем городе, приглашают во Дворец культуры на показ мод. Но в качестве модели, а не обычного зрителя.

Прочтя в тот момент это приглашение, я особой радости не испытала. Мне ведь и раньше приходилось посещать подобные мероприятия, наблюдать за тем, как длинноногие девицы важно дефилируют по подиуму, демонстрируя всем не то платье, не то самих себя. Все казалось красивым, но не более, ведь ни одно из этих платьев нормальная российская женщина позволить себе не могла. И дело тут было совсем не в его цене, а скорее в непригодности вещей к нашей суетной жизни, полной непредсказуемых поворотов судьбы и случайностей. Даже то, что называется «pret-a-porte», далеко не всегда подходило к нашей суровой действительности. Признаюсь, что примерно того же я ожидала и на этот раз.

Впрочем, отказываться от приглашения попробовать себя в роли модели я не собиралась – когда еще представится такой шанс? Но и особыми иллюзиями я себя тоже не тешила.

Каково же было мое удивление, когда, прибыв на место встречи и войдя в зал, где уже проходила репетиция показа, я увидела уникальнейшую коллекцию несколько не вычурных платьев и костюмов. На сцене, сменяя одна другую, прохаживались участницы в одеждах разных оттенков зеленого цвета: изумрудных, малахитовых, табачных, фисташковых, киви... Я и подумать не могла, что зеленый цвет так разнообразен и так красив. Он излучал силу, жизнь, символизировал молодость, гармонию, весну и, конечно, счастье.

Сотрудница Дворца культуры, встречавшая гостей, познакомила меня с самим модельером. Подведя к суетливой и ни на минуту не перестающей говорить светловолосой женщине с короткой стрижкой, она представила нас друг другу:

– Алена Алексеевна Мельник – модельер и виновник этого торжества. А это, – теперь уже указала на меня женщина, – частный детектив Татьяна Иванова. Татьяна тоже получила наше приглашение.

Невысокая, в молодости, возможно, хорошо сложенная женщина, а сейчас заметно раздобревшая, окинула меня оценивающим взглядом и удовлетворенно улыбнулась:

– Великолепная фигура! Даже ничего скрывать не придется. Это прекрасно.

Слегка смутившись такому комплименту, я не нашла что сказать, а потому просто продолжала рассматривать саму женщину. Первое, что сразу бросилось в глаза, – ее совсем не подиумная фигура. Обычно модельеры держат себя в форме и следят за своим весом, но к Мельник это явно не относилось. Впрочем, легкая полнота ее несколько не портила, и, даже если в ее фигуре и находились какие-то изъяны, она очень умело их скрывала, подчеркивая лишь то, что стоило внимания. Природа наградила Алену Алексеевну своеобразными чертами лица, неброскими, возможно, не совсем правильными, и все же красивыми.

Особенно мне понравились ее губы: нежно-розовые, словно специально обрисованные по контуру и потому четкие, они манили и притягивали мужчин, но в то же время давали понять, что их хозяйка – особа властная, решительная и очень умная.

Не менее выразительными казались и глаза Алены Алексеевны. Такую голубизну и ясность взора мне редко приходилось встречать. Стоит только заглянуть в эти бездонные озера – и ты растворяешься в их бесконечности, попадая под влияние владелицы.

– Коль уж вы пришли, полагаю, что наше предложение стать моделью вас заинтересовало? – внимательно глядя на меня, спросила между тем Алена. – Я права?

– Отчасти, – полупризналась я. – Честно сказать, впервые сталкиваюсь с тем, чтобы модели предлагали демонстрировать не профессионалам, а обычным женщинам. Это как-то не совсем правильно.

– Почему? – с улыбкой переспросила Алена Алексеевна.

– Ну хотя бы потому, что у всех нас, – никого пока конкретно не имея в виду, стала разъяснять я, – совершенно различные фигуры. На нас платья подгонять, а то и перешивать придется.

Алена вновь засмеялась, на сей раз еще более звонко.

– Что ж, ваши сомнения вполне понятны, – взяв за руку, модельер увлекла меня в примерную. – Мы ведь, женщины, как обычно думаем: «О, да такие тряпки только с хорошей фигурой носить можно, они для новоявленных миллионерш. А нам что попроще сгодится». И это совершенно неправильно. Ну разве обычная женщина не имеет права быть красивой?! Да, мы все разные, но это-то как раз и замечательно. Ведь мода – это не только красивая тряпка, это в первую очередь искусство. А искусство состоит в умении одеваться стильно. И это совсем не зависит от денег или внешних данных человека. Чувство стиля можно и нужно в себе развивать! К тому же типом фигуры, признанным идеальным, от природы обладают очень немногие, и ориентироваться только на него просто глупо. Поэтому-то я и пригласила на показ вас и других женщин, добившихся успеха собственными силами и, несомненно, знающих толк в стильной одежде.

Беглым взглядом окинув примерочную, где вокруг участниц, словно пчелки, вились закройщицы, я в очередной раз вздохнула и очень тихо заметила:

– И все же с одинаковыми моделями проще.

– Терпеть не могу профессиональных моделей, – все же услышала мои слова Алена. – Они все убеждены, что подиум создан именно ради них, что они важнее творения модельера. Куда приятнее работать с обычными женщинами, более естественными и излучающими энергию. Даже платье на них смотрится иначе, чем на этих вешалках. Они его просто губят. А я хочу, чтобы вот эта коллекция ушла на фабрику в тираж, чтобы такие вещи могли носить все женщины Тарасова. Все без исключения! Ну так что, вы с нами? – поставила она вопрос ребром.

Я не совсем понимала, как утверждение о неповторимости каждой российской женщины сочетается с желанием модельера одеть всех жительниц Тарасова одинаково, но кивнула. Мое согласие оказалось толчком к началу работы. Меня всю измерили, наверное, с тысячу раз переодели в самые различные наряды, что-то то и дело пришивая и прикалывая. Затем передали стилисту, начавшему экспериментировать с лицом и прической. Тогда во Дворце культуры я провела весь день. Устала невыносимо, зато настроение было превосходным – хотелось петь и танцевать.

На следующий день все повторилось. Правда, теперь все наряды сидели на фигуре просто идеально, а я никак не могла поверить, что для изменений потребовалась всего-навсего одна ночь.

Мы перешли к отработке походки. Алена Мельник сидела в зале, а я и остальные участницы по очереди выходили на сцену и делали по ней полукруг. Модельер делала замечания, объясняла, как нужно двигаться, а порой поднималась на сцену сама.

Незаметно пролетел и этот день. Наступил предпоследний, когда мы совершили полный прогон показа моделей в точности так, как это должно было произойти завтра. На генераль-

ной репетиции я немного расслабилась и даже позволила себе внимательно изучить остальных участниц, потому что раньше у меня на это не было времени.

Некоторые из них мне были очень хорошо знакомы, как, например, Нина Васильевна Ежова, занимающая должность заместителя главного врача в областной больнице, – женщина пышнотелая, но привлекательная; или Алевтина Ивановна Шлыкова, вторая жена известного бизнесмена и владельца санатория «Зали», расположенного в окрестностях Тарасова. Она была значительно моложе своего мужа и то и дело мелькала на страницах желтой прессы в компании с очередным молоденьким бойфрендом. Муж на эти ее похождения реагировал как-то не особенно бурно, и Алевтина резвилась по-прежнему.

Других я пока не знала, но о них мне рассказала Наталья Михалина – девушка, с которой мы познакомились в первый же день и как-то даже сдружились. Наталья оказалась простой и очень общительной. Без тени смущения она поведала мне, что тот крупнейший магазин обуви, что числится за ней, она получила, соблазнив одного богатенького Буратино, который ей его и купил. Она же, как любительница вращаться в кругу серьезных людей, сообщила, что среди участниц присутствует работник следственного управления Инна Прокопчук, жена известного тарасовского адвоката Евдокия Дрягель, бизнес-леди Зинаида Лямина и много других не менее ярких личностей. Причем про каждую Наталья знала немало интересного и выкладывала всю эту информацию, не умолкая. Я же едва успевала переводить взгляд с одной особы на другую и мысленно их оценивать.

– Ну вот, теперь Лямина с Прокопчук крысится, – стоя у меня за спиной, вздохнула моя новая подруга, заметив, как две девушки едва ли не толкают друг друга, торопясь первыми выйти на сцену. – Ну точно, Инка в ее бизнес опять влезла. А той не нравится, что ей работать мешают. Глянь, как глазами-то сверкает. Эта Лямина – вообще змея. Ни с кем не ладит. Пять минут назад к Шлыковой зачем-то придиралась, мне замечание сделала, что много курю. На себя бы лучше внимание обратила, швабра.

Я перевела свой взгляд на уже уgomонившуюся Лямину, плавно плывущую по сцене в искрящемся наряде. Зинаида, ровно держа спину и высоко вздернув угловатый, остренький носик, всем видом старалась показать, что не признает всех этих «преlestь что за дурочек», глупо хихикающих после каждого слова, а в особенности ту дамочку, что шла на шаг позади нее.

Лямина казалась человеком серьезным и знающим себе цену. Жесткая и решительная, как мне ее описала Наталья, она даже выглядела подобающим образом: высокая, худощавая, смуглокожая, со стороны напоминавшая старуху Шапокляк, правда, в расцвете лет. Волосы у нее были редкими и тонкими, и, как ни колдовали над ними стилисты, пышности и объема добиться не удавалось. Пришлось прибегнуть к шиньонам. Свои волевые, но очень тонкие, почти в одну линию, губы женщина обводила ярко-красным карандашом, стараясь сделать их чуть больше. Мне она показалась не слишком приятной особой.

Сейчас на Ляминой была длинная узкая юбка с высоким разрезом справа и бледно-салатовая шелковая блуза с высоким воротничком-стойкой и широкими манжетами. Все бы ничего, да только рост ее от этого не только не уменьшался, а еще более вытягивался, подчеркивая и без того непропорциональную фигуру. Хотя, может быть, этого и хотела добиться модельер.

Прокопчук являла собой полную противоположность. Изящная, маленькая, с длинными темными волосами, она больше походила на Мальвину, чем на злобного стража порядка, каким являлась в действительности. Впрочем, судя по глазам, она была умной женщиной, умеющей принимать твердые решения и не менять их впоследствии.

– Теперь Иванова, – послышалось со стороны сцены, и я поспешила выйти вперед.

Глава 1

Наконец наступил день показа. Стоя за кулисами в светло-зеленом строгом костюме-тройке, я с замиранием сердца ждала своей очереди. Эмоции буквально переполняли меня, ведь в подобном мероприятии я участвовала впервые. Да и шутка ли: попала в число самых известных и богатых женщин Тарасова, а попробуй-ка пролезь в их ряды. Тут тебе и жены бизнесменов и банкиров, и бизнес-леди, начальницы и директрисы – всех и не перечислишь.

Видимо, не такая уж я и дремучая, коль обо мне не только вспомнили, но еще и пригласили в качестве участницы. Денег, правда, мне никто не предложил, да этого и не требовалось, учитывая то, что нам дали возможность почувствовать себя настоящими королевами, от которых не в состоянии оторвать взгляд не только мужчины, но и женщины.

На сцену вышла Прокопчук в длинном, облегающем фигуру платье цвета морской волны, украшенном на уровне лифа бисерной вышивкой. Ей навстречу должна была идти я. Набрав побольше воздуха в легкие, я выпрямила спину и, как меня учили, от бедра, последовала к центру подиума.

Оказавшись в поле зрения całego зала, ощутив на себе массу оценивающих взглядов и вспышки фотоаппаратов, я почему-то вдруг разволновалась: ладони вспотели, ноги стали ватными. Казалось, что вот-вот потеряю контроль над своим телом и выкину какую-нибудь глупость. Испугавшись своих ощущений, я заставила себя растянуть губы в очаровательной улыбке и поднять взгляд выше незнакомых лиц. Теперь, когда я видела лишь стены, стало чуточку легче. Дыхание нормализовалось, мысли пришли в порядок, а через секунду я и вовсе вжилась в роль, думая только о том, что в роли королевы мне смущаться не пристало.

А дальше все пошло как по маслу. Демонстрируя новые модели, я уже не нервничала и двигалась по сцене уверенно и красиво. Причем мне даже начинало нравиться, что я нахожусь в центре внимания. Видимо, Алена Алексеевна была права, когда говорила, что женщина – это драгоценный камень, которому жизненно необходимы дорогая оправка и восхищение созерцающих. Ничто и никогда не сможет победить извечную тягу женщины к красоте.

А между тем показ, длящийся больше часа, стал подходить к своему логическому завершению. Вскоре все мы должны были выйти на сцену. Инна Прокопчук завершала показ – она представляла последнее, коронное платье, расшитое перьями какой-то зелено-желтой птицы. Зазвучала торжественная музыка, и участницы поочередно стали выходить на подиум, останавливаясь на положенном месте. Вместе с остальными вышла и я. На сцене образовалась своеобразная радуга оттенков зеленого цвета – от бледно-изумрудных до насыщенных сине-зеленых. Зал зааплодировал. Участницы повернулись к зрителям боком, сосредоточив взгляды на центральной кулисе, украшенной живыми цветами, из-за которой вот-вот должна была появиться «райская птица». Музыка усиливалась, напряжение росло, но девушка так и не появилась.

Музыканты с трудом удерживали взятый аккорд, но ничего не происходило. Я невольно напряглась и, почувствовав что-то неладное, убрала с лица дежурную улыбку. Самые страшные мысли стали лезть в голову: «С ней что-то случилось. Или с платьем. Вдруг его случайно порвали, и теперь его нельзя показывать? Да, но тогда следовало бы выйти самому модельеру. Почему его нет? Видно, случилось что-то еще более страшное».

Но нет, мои страхи не оправдались: приоткрывшаяся кулиса представила публике шедевр творчества Алены Мельник. Прокопчук Инна Геннадьевна в шляпке с широкими полями, отделанной натуральными птичьими перьями, и в платье из легкой полупрозрачной ткани с такой же отделкой предстала на суд публики. Она шла к центру сцены, как-то загадочно и неестественно улыбаясь. Все еще испытывая какой-то внутренний страх, но не находя более для него причины, я заставила себя сосредоточиться на девушке.

Вот она идет, медленно ступая в нашу сторону. Она напряжена, взволнованна. Улыбка то появляется, то исчезает с ее лица, на мгновение сменяясь неприятной болезненной гримасой. Такое ощущение, что жмут туфли и она лишь усилием воли не позволяет себе их скинуть. Подумав так, я невольно скользнула к ногам «райской птицы» и еще больше насторожилась – Прокопчук явно шатало из стороны в сторону. Хорошо еще, что платье было достаточно длинным и скрывало ноги новоиспеченной модели.

Присмотревшись, я заметила, что у Инны слезились глаза и она периодически шмыгала носом.

«Аллергия? – предположила я. – Но тогда почему Прокопчук едва на ногах держится? Что с ней происходит? – с ужасом спрашивала себя я, мысленно представив, какой кошмар случится, если девушка сейчас упадет или споткнется. Тогда завтра только об этом и будут кричать местные газеты, умолчав о труде модельера. – Может, у нее резко упало давление? Тогда почему она не сказала об этом Алене? Поставила под угрозу весь показ».

Заметив, что девушка с каждой секундой чувствует себя все хуже и хуже, я лихорадочно соображала, как ей помочь. Как назло, в голову ничего не приходило. Меня уже и саму начало трясти, как Прокопчук, да и остальные девушки тоже посерьезнели, заметив, что происходит. Зал, словно намеренно нагнетая обстановку, замер и не производил ни малейшего шума. Напряжение нарастало, и в конце концов произошло то, чего все так боялись. Прокопчук пошатнулась, с ее лица окончательно сошла та натянутая улыбка, которую ей удавалось удерживать какое-то время, и девушка с грохотом рухнула на пол. Гулкое «а-а-а» прокатилось по залу.

Я кинулась к Инне. Присев рядом, нащупала пульс на шее. Он был едва различим. На обморок такое состояние было не похоже, это скорее напоминало сердечный приступ. Не зная, что и думать, я бегло осмотрела тело девушки и почти сразу наткнулась на нечто странное: запястья Инны сплошь покрылись какими-то неприятными красными язвочками. Испугавшись ранок непонятного происхождения, я инстинктивно отшатнулась и непроизвольно посмотрела на свои руки. Но нет, у меня все было в порядке.

Теперь уже, повернувшись к остальным и не обращая внимания на гул в зале, я громко крикнула:

– Врача! Быстрее!

Сцена ожила, участницы недавнего шоу засуетились. Через несколько секунд ко мне подбежала Алена Алексеевна и с ужасом в глазах спросила:

– Что с ней стряслось?

– Не знаю, – ответила я, затем указала пальцем на руки Прокопчук и добавила: – Вон, видите, язвы. Такие нарывы характерны при отравлении.

Никак не ожидая такого ответа, Алена Алексеевна торопливо зажала рот рукой, не позволяя вырваться крику или стону, и, всплеснув руками, поспешила куда-то за сцену. Все еще продолжая держать в поле зрения Прокопчук, я все же отошла на приличное расстояние и окинула зал беглым взглядом. Большая часть зрителей уже поднялась со своих мест и теперь шумела, подобно растревоженному улью. Журналисты, вконец обнаглев, пытались подняться на сцену, чтобы запечатлеть происшедшее. Желая помешать этому, я метнулась к краю сцены и громко объявила:

– Никому не подходить близко – это может быть опасно! Молодой человек, немедленно спуститесь вниз! – видя, что один особо нахальный все же вскарабкался наверх и теперь поднимается на ноги, приказала я.

Проклятый журналюга никак не прореагировал на мои слова. Он невозмутимо направлялся к телу упавшей Прокопчук, на ходу настраивая свой фотоаппарат.

– Наташа! Нина! Аля! – поняв, что одной мне не справиться, громко позвала я. – Идите сюда. Нужна ваша помощь.

Опасливо поглядывающие из-за кулис на сцену девушки вопросительно переглянулись, не зная, как отреагировать на мой призыв. С одной стороны, и отказывать нехорошо, с другой – не царское это дело: светиться на сцене после всего случившегося и давать прессе дополнительный повод для сплетен. И все же один благородный человек среди них нашелся. Моя новая подруга Наталья выбежала на сцену и, поняв, что от нее требуется, подскочила к неугомонному журналюге и преградила дальнейший путь своим телом.

– Сделаешь еще шаг, дальнейшую писанину придется вести в палате, – пригрозила она.

– А ты куда прешься? – окончательно забыв про хорошие манеры, воскликнула я, заметив другую «акулу пера». – А ну, кыш отсюда, воронье проклятое. Разве непонятно, человеку плохо? Совсем совесть потеряли, никакого уважения к людям...

– Я – ее муж, – торопливо отозвался мужчина, продолжая лезть на подиум. – Муж я ее.

– Все равно нельзя, – понимая, что это может быть для него опасно, чуть тише возразила я. – Пожалуйста, подождите, пока придут медики.

– Вы не имеете права, – принялся возмущаться мужчина, все же взгрозившись на сцену. Затем он встал на ноги и, так как я сразу преградила путь, недовольно спросил: – Кто вы, вообще, такая?

– Работник милиции, – не нашла, что еще сказать, я. – Поэтому прошу вас не сеять панику. Ведите себя спокойно. С вашей женой все будет в порядке. Я надеюсь.

* * *

Не знаю, долго ли еще удавалось бы сдерживать напор прессы мне и Наталье, но, на наше счастье, примчались «Скорая» и группа оперативников. Медики переложили Прокопчук на носилки и увезли ее в больницу.

Не успела машина «Скорой помощи» отъехать, а зрители и персонал разойтись, как ко мне подбежал все тот же нарушитель порядка, назвавшийся мужем пострадавшей. Он бесцеремонно потряс меня за плечо, обрушив целый поток слов:

– Это вы из милиции? Да, вы, – как только я повернулась, сам же себе ответил он. – Узнаю. Я – муж Инны, Тимофей Владимирович. Я только что проводил «Скорую». Мне, к сожалению, поехать не разрешили... – Мужчина растерянно потоптался на месте, а затем сказал: – В общем, я хочу знать, кто это сделал. Даже согласен дать денег вашему руководству, только не закрывайте дело. Выясните, кто отравил мою жену. Вы должны это сделать, ведь Инна была вашей коллегой.

– Извините, что не сказала вам всей правды сразу, но я не работаю в милиции, я – частный детектив, – разведя руками, призналась я.

– Пусть. Может, это даже и лучше, – ничуть не смутившись, выдал Тимофей. – Хоть кто-то докопается до истины. Я нанимаю вас, – заявил он уверенно.

Я растерянно открыла рот, не зная даже, как расценивать такую активность нанимателя. Для меня куда более привычными казались долгие путанные объяснения клиентов, их обращение ко мне только в случае неудачи милиции.

– Займитесь этим делом, а о гонораре поговорим позже. Впрочем... – Мужчина трясущимися от нервного напряжения руками извлек из внутреннего кармана дорогого пиджака кошелек. Раскрыл его и, не глядя на купюры, вытащил половину и протянул ее мне со словами: – Это на первое время.

Растерянно глядя на этого невысокого мужчину средних лет с забавными усиками и волнистыми светлыми волосами, я приняла деньги. Видимо, посчитав, что больше нам говорить не о чем, Тимофей пробежался карими глазками по моей одежде, пожевал нижнюю губу и, резко развернувшись, зашагал прочь. Я не стала его останавливать, понимая, что человек сейчас находится вовсе не в том состоянии, чтобы его о чем-то спрашивать.

«Что ж, я бы все равно умудрилась ввязаться в это дело, даже если бы меня никто и не попросил, – призналась я самой себе спустя минуту. – Зато теперь, по крайней мере, у меня есть более веские основания для того, чтобы сунуть свой прелестный носик в это дельце. Вот только нужно переодеться, а потом можно браться за расследование».

Вспомнив, где сегодня переодевалась, я прошла за кулисы и отыскала дверь в костюмерную. Комната встретила меня полнейшим беспорядком. Очевидно, участницы переодевались в собственные одежды очень торопливо, желая поскорее стянуть с себя модельные вещи, возможно, также пропитанные ядом. Сами творения модельера теперь собирали с пола и стульев две девицы, нервничая и злясь, что все вещи теперь находятся в самом плачевном состоянии: богатенькие леди не слишком церемонились, расстегивая сложные застёжки и расшнуровывая корсеты.

Я подошла к шкафу, где участницы повесили свою одежду. Открыла его и с облегчением обнаружила, что мои вещи на месте – они одиноко висели в самом центре. Быстро сняв с себя модельный костюм и с удовольствием сбросив туфли на высоком каблучке, я принялась выуживать из волос цепкие шпильки с цветами и бусинками. На это у меня ушло минут десять.

Передав модель на руки гардеробщицам, покосившимся на меня как-то недружелюбно, я покинула костюмерную и отправилась на поиски Мельник. С ней я решила переговорить в первую очередь, дабы узнать, подозревает ли она кого-нибудь. А возможно, выяснится, что она сама имела какие-то претензии к Инне. Чего только не бывает в нашей жизни!

Отыскав Алену Алексеевну в выделенном ей на время кабинете, я увидела ее в самом удручающем состоянии, граничащем с полной депрессией. И все же рискнула побеспокоить. Очень тихо войдя в комнату, я присела на соседний стул и, положив руку на плечо женщины, сказала:

– Не переживайте вы так. Возможно, что все еще образуется. Инне дадут противоядие, и вы очень скоро ее снова увидите.

– Боюсь, что уже нет, – не убирая ладоней от лица, тихо откликнулась Мельник. – Я только что звонила в больницу. Все кончено: Прокопчук умерла.

– Ее мужу уже сообщили?

– Да, он уже знает. Боже, – воскликнула Мельник, всхлипнув, – за что мне такое наказание? Что я сделала не так? Теперь моя репутация будет запятнана: журналисты завтра уже расстреляют, что за приятной внешностью модельера Алены Мельник скрывается жестокий убийца. Они все поставят с ног на голову.

– Знаю, – сочувственно вздохнула я. – Пресса не слишком много внимания обращает на мораль и этику. Журналисты нацелены на то, чтобы создать шумиху, из мухи сделать слона. Какое им дело до человеческих чувств? Но только слезами вы все равно ничего не измените, – плавно перевела я беседу в нужное русло. – Здесь нужны радикальные меры.

– Меры? – усмехнулась Алена, впервые за это время повернув ко мне голову. – Какие? Сделать заявление прессе и тем самым дать ей шанс переиграть мои собственные слова? Или, может, попробовать уговорить их молчать о случившемся? Да я более чем уверена, что через час обо всем будет знать половина города. – Алена вздохнула. – Впрочем, незачем расстраиваться, рано или поздно об этом все равно забудут. Главное – суметь пережить это время, а может, и воспользоваться шумихой – «раскрутить» себя и свою коллекцию.

Такой резкий переход от одного состояния к другому, умение сопереживать, но при этом не раскисать, просто не могли не вызвать восхищения. Но я не торопилась с выводами, прекрасно зная, что к убийству запросто могла приложить руку и сама Алена Алексеевна. Нет, утверждать этого я не торопилась, но и как возможный вариант тоже не отрицала. Необходимо все тщательно проверить.

– Скажите, Алена Алексеевна, а вы с Прокопчук близко были знакомы? – как бы невзначай поинтересовалась я.

– Совсем не была, – приводя заплаканное лицо в порядок, ответила женщина. – Я познакомилась с ней на репетиции, как и с вами. Как видно, – без паузы продолжила она, – вы решили, что в случившемся есть моя вина. Что ж, права так думать вас никто не лишал. Только я действительно не была с ней знакома до конкурса.

– А почему тогда вы пригласили ее принять участие в показе? – не отступала я.

– Потому же, почему пригласила и вас. Для показа мне понадобились женщины известные, имена которых на слуху у всех горожан. Но этот список составляла не я, а спонсор вместе с моим менеджером. Они в этом больше понимают, а мое дело – придумать и сшить вещь. Подождите-ка, – словно что-то вспомнив, повернулась ко мне Алена. – Вы ведь у нас, кажется, частный детектив. Я не ошибаюсь?

– Совершенно верно, детектив, – согласно кивнула я на это.

– То-то я думаю, что это вы мне такие вопросы задаете. Тоже решили подтвердить свой статус лучшей из лучших?

Я поняла, что Алена Алексеевна упрекает меня в сходстве с журналистами, а потому поспешила ее разубедить:

– Нет, несколько. Но и не предложить свою помощь я не могу. Не скрою, что мне ваши модели, да и вы сами пришлись по душе, и я искренне хотела бы что-то предпринять, чтобы избавить вас от грязных сплетен.

– Помочь? – Алена сначала усмехнулась, но потом сразу же стала серьезной и, мельком взглянув на меня, со вздохом продолжила: – Впрочем, спасибо! Только я все равно не вижу, что вы можете для меня сделать.

– Предлагаю бартер, – немного подумав, произнесла я. И, видя, как вопросительно вытянулось лицо Алены Алексеевны, сразу пояснила: – Вы объявляете прессе, что наняли частного детектива для расследования, и тем самым предстаёте перед общественностью в лучшем свете, а взамен помогаете мне с информацией. А виновного я постараюсь найти.

– Гм. Не понимаю, для чего вам все это нужно. Напрашиваетесь на хороший гонорар? – настороженно прищурилась Мельник.

Я отрицательно покачала головой:

– Только на помощь. Я в любом случае займусь этим делом, потому что не далее как несколько минут назад меня нанял муж убитой.

– Что ж, это уже другой разговор, – поняв, что деньги из нее тянуть я вовсе не собираюсь, призналась Алена. – Тогда постараюсь помочь и, если из этого что-то действительно получится, обещаю подарить вам любое из понравившихся платьев. Так что именно вы хотели узнать?

Теперь уже пришло мое время вздохнуть. Вопросов в голове было столько, что я даже не знала, с какого начать. Пришлось спрашивать обо всем и сразу:

– Кто имел доступ к тому платью? Кто находился возле него до того, как Прокопчук его надела? Кто знал, что именно это платье будет на Прокопчук?

– Господи, как тут не запутаться, – посетовала Мельник. – Да кто угодно. Вещи и в гладилке были – там их должны были погладить перед показом, – и сюда их на машине везли в полиэтиленовых пакетах, а уж про то, сколько людей тут прошло, даже говорить не приходится. Я не знаю, кто это мог сделать. По-моему, любой.

– Ладно, давайте попробуем разобраться по порядку, – поняв, что и в самом деле немного переборщила, предложила я. – Для начала скажите: после последней примерки платья находились здесь или в ателье? Когда именно их привезли?

– Примерно в середине дня, перед генеральной репетицией. Вы же их надевали, – напомнила мне Алена.

«Верно, надевали, – припомнила я. – Стало быть, в тот момент с нарядом все было в порядке, иначе бы яд подействовал уже тогда. Следовательно, водитель под подозрение не попадает».

– А гладили после генеральной репетиции вещи здесь?

– Нет, еще в ателье. За одну репетицию ведь все равно ничего не должно было помяться. И потом, мини-утюжок у нас всегда с собой, если где-то вдруг образовалась складка, все исправим прямо на модели.

– А после генеральной репетиции кто-то мог войти в костюмерную и пропитать платье ядом?

– Наверное. И даже если и не проходил, наверняка успел бы это сделать утром. Здесь как раз такая толкотня была, девушки приезжали, переодевались, красились. Комната была открыта, а какую модель следует надеть, вы все и так знали.

– Действительно, знали, – вздохнула я, понимая, что про то, что коронное платье наденет именно Прокопчук, было известно всем участницам показа. Как знать, кто из них имел на Инну зуб. Видели ее на генеральной репетиции в том наряде и работники сцены, и осветители, в общем, куча народа. Попробуй-ка выясни, кто убийца.

«Что ж, видимо, придется проверять всех по очереди, – вынуждена была признать я. – Иначе я никак не выясню, кому из них помешала эта мисс МВД. У нее ведь и работа еще такая, что врагов полгорода, может быть, кто-то подкупил одну из участниц или работников сцены. Вот тебе и мотив».

– Теряетесь в догадках? – видя, как я глубоко погрузилась в свои размышления, спросила Алена Алексеевна.

Я кивнула:

– Да. Тут есть над чем подумать. К тому же я пока даже не знаю, что это за яд и каковы его свойства, а ведь это может чем-то помочь. Пожалуй, наведаюсь-ка я к медэкспертам, послушаю, что они скажут.

Алена Алексеевна не стала меня задерживать и, пожелав удачи, протянула свою визитку:

– Вдруг вам понадобится мой телефон или вы захотите заехать в ателье.

Я поблагодарила Мельник за помощь и, попрощавшись с ней, поспешила покинуть территорию Дворца культуры.

Оказавшись на улице, я сразу ощутила, как прохладно и свежо было в помещении и как душно вокруг. Моя машина стояла у бокового входа. Это была старенькая, но очень удобная «девяточка», без которой я бы никуда не успевала.

По дороге к моргу, куда должны доставить для вскрытия тело Прокопчук, я размышляла над тем, как бы выведать подробности об отравляющем веществе. Задача была не из легких, так как новый главный медэксперт Василий Иванович Стреганков никогда не делился информацией о результатах вскрытия, считая ее конфиденциальной. Да к тому же требовал документ, подтверждающий, что именно мне поручено забрать результаты и доставить их в отделение.

Взять эту бумажку мне неоткуда, а верить на слово второй раз он мне вряд ли станет. Видимо, придется идти на обман.

Вскоре впереди показалось серое здание морга. Я остановила машину в сторонке и, заглушив мотор, попыталась собраться с мыслями и настроиться на предстоящую беседу. Но так ничего и не придумав, я решила довериться судьбе и отправилась к моргу.

Глава 2

Оказавшись внутри, я подошла к сидящему на проходной крысоватого вида охраннику, продемонстрировала ему свое липовое ментовское удостоверение, когда-то сделанное мне Кирьяновым, и произнесла:

– Час назад к вам должны были доставить тело молодой девушки с язвами на руках. Не подскажете, кто занимался его вскрытием?

– А, ту, что с показа мод? – догадался работник.

Я кивнула.

– Должен был Стреганков.

– Почему «должен», разве не он этим занимался? – слегка насторожилась я.

– Да нет, он прямо перед этим отпросился. Жена у него сегодня рожает. Скорее всего, Черноус его заменяла.

Эта фамилия была для меня совершенно новой, и это несмотря на то что в морг мне приходилось заглядывать довольно часто. Что поделаешь – у каждой профессии свои недостатки.

– Черноус, – повторила я. – Она новенькая?

– Кристина-то? Да нет, уж месяца два у нас.

– А где ее можно найти?

– Налево по коридору, двадцать второй кабинет, – не раздумывая, ответил мужчина.

Я остановилась возле двери с номером двадцать два и внимательно посмотрела на висящую на ручке двери табличку. Последняя гласила: «Посторонним вход воспрещен. Идет мед. экспертиза».

Прочитав надпись, я невольно усмехнулась. Зачем такое писать в морге? Тут любая комната – кабинет ужаса, и без особой надобности входить не станешь. Лучше бы написали «не отвлекать» или «не стучать».

Ну что ж, придется отвлечь человека от работы. Костяшками пальцев я несколько раз ударила по закрытой двери и чуть-чуть отошла в сторону, ожидая, что через несколько минут выйдет женщина в белом халате и с марлевой повязкой на лице. Но этого не произошло. Напротив, пришлось довольно долго ждать, прежде чем из-за двери высунулось крупное, ярко-багровое мужское лицо с большим носом и круглыми очками в пластиковой оправе на нем. На голове этого Квазимодо, как я его про себя окрестила, возвышался мятый врачебный колпак, а поверх одежды – передник с большим карманом.

– Что нужно? – мельком глянув на меня, бесцеремонно спросил он.

Я протянула раскрытое удостоверение работника милиции, сказав:

– Мне нужна Кристина Черноус. Я могу ее увидеть?

– Кристина Валерьевна в другом отсеке. А что вас интересует? Все результаты экспертиз мы сразу отправляем по местам запроса.

– Разумеется, но мне нужны сведения о недавно привезенной девушке с ядовитыми язвочками на руках. Не знаете, кто делал вскрытие?

– Я и Кристина, – последовал ответ.

– Хорошо, в таком случае позвольте задать вам несколько вопросов, – порадовавшись, что никого более искать не придется, произнесла я.

Мужчина как-то странно осмотрел себя с ног до головы, а потом предложил:

– Подождите немного, я хоть переоденусь.

Я согласилась, тем более что мне и самой казалось не слишком приятным общаться с человеком в одежде, пропитанной трупными неприятными запахами. Квазимодо переоделся довольно быстро и вновь вышел ко мне в коридор, где даже представился, приветливо протянув руку для рукопожатия:

- Илларионов Петр Семенович, медицинский эксперт. А вы, значит, из милиции?
- Совершенно верно, – пожимая его сухую ладонь, осторожно улыбнулась я.
- Странно, что прибыли за результатами сами. Мы их все равно в отделение отсылаем.
- Так и есть, но нам не терпится поскорее узнать, чем отравили нашу коллегу. Вам уже удалось выяснить, что это был за яд? – сгорая от любопытства, спросила я.
- Вообще-то удалось, но вряд ли вам это как-то поможет, – равнодушно посмотрев на меня, ответил эксперт. – Вы ведь, насколько я могу судить, к медицине никакого отношения не имеете.
- К медицине – нет, но это еще не значит, что я совсем ничего не знаю о химических препаратах, – ничуть не смутилась я.
- Господь с вами, милочка, – обратился ко мне, как к ребенку, Илларионов. – Что вы так суетесь? Результаты экспертизы все равно придут через час-другой в ваш отдел. К чему такая суета? Впрочем, ваше дело. – Мужчина досадливо махнул рукой, а затем продолжил: – Вашу дамочку действительно убили. Причем способ убийства выбрали очень уж нетрадиционный. Могу даже предположить, что все это – дело рук женщины.
- Почему вы так решили?
- Элементарно, – усмехнулся Илларионов. – Только ваша сестра способна на подобные изощрения. Мужчины действуют более сухо и прямо: помешал – убьет из пистолета, зарежет ножом или, на крайний случай, задушит. Чего романтику-то разводить? Ну, а что касается используемого препарата, то это вещество общеядовитого и кожно-нарывного действия – люизит. Его контакт с кожей вызывает воспалительные процессы с последующим образованием пузырьков и язвочек. Уроки гражданской обороны помните?
- Смутно, – призналась я. – А что, отравление люизитом всегда приводит к летальному исходу?
- Необязательно. – Илларионов вздохнул. – Это стойкое отравляющее вещество, но все зависит от того, как долго человек будет пребывать в зараженной атмосфере. Если вовремя вывести его из зараженной местности – он потом, глядишь, про этот люизит никогда и не вспомнит.
- Значит, вызови мы «Скорую» раньше, Прокопчук можно было спасти?
- Не все так просто, – снова вздохнул Илларионов. – Пары люизита действуют на кожные покровы. А здесь, представьте, «отравленное» платье контактировало непосредственно с кожей. Подумать только, дамочка на себе таскала эту гадость. Платье мы пока досконально не изучали, но даже так ясно, что концентрация люизита была высокой. Тем более что и смерть наступила достаточно быстро... Кто-то не пожадничал, от души распылил яд по ткани.
- Но в таком случае наверняка отравился и сам преступник.
- Могу твердо сказать, что ваш злодей профаном в химии не является, иначе бы он и не взялся за это дело. Максимум, что он получил, – это легкое отравление: кашель, чихание, слезотечение, но и это пройдет через пару дней. Нанести же люизит можно с помощью обычного распылителя. Интересно что-то еще?
- Даже не знаю, – отозвалась я. – Впрочем, скажите, где можно достать люизит?
- Где? – призадумался Илларионов. – Ну, наверное, в лабораториях. Или в местах утилизации химических веществ. Так, в чистом виде, он нигде не продается, да и не используется. Достать его, одним словом, весьма непросто.
- Но ведь преступник все же достал, – заметила я. – Значит, у него есть доступ к химическим веществам.
- Ну вот вам и зацепка, – улыбнулся Илларионов. – Ищите, кто из подозреваемых мог добыть люизит, и найдете виновного.
- Легко сказать. Одно дело – его добыть, совсем другое – отдать кому-то для использования. Я же не могу проверить связи каждого, кто мог приблизиться к тому платью. Это куча

родственников, друзей, да просто знакомых, – посетовала я. – Нет, эта линия сразу отпадает. Буду искать просто тех, у кого был мотив убить девушку.

– Что ж, вам виднее, – согласился со мной мужчина. – Я рассказал все, что знал.

Поблагодарив медэксперта, я поспешно направилась к выходу. Причин задерживаться в морге у меня больше не было.

Оказавшись на свежем воздухе, я первым делом вздохнула полной грудью, а затем направилась к машине. Мои мысли крутились вокруг ядовитого вещества. Я пыталась понять, в какой именно момент его нанесли на вещь и почему этого никто не заметил.

Убийца, как минимум, должен был быть в перчатках, а то и вовсе в предохраняющей кожу маске или в противогазе. Если бы так и было, то многие заметили бы столь подозрительную личность, отирающуюся возле платья.

«А что, если очевидцы этого и в самом деле имеются? – спохватилась я. – После происшествия все разбежались кто куда. Никого из присутствующих на сцене и за кулисами не допрашивали. А ведь таковые вполне могут быть. Только вот как их найти? – спросила я сама себя. – Не по домам же ездить, на это у меня больше недели может уйти, а потом еще окажется, что все было бесполезно. Нет, так распыляться я не имею права – время дорого. Да к тому же очень сомневаюсь, что преступник стал бы так светиться».

Сосредоточившись на собственных размышлениях, машинально извлекла из сумочки пачку «Парламента». Я надеялась, что сигарета позволит мне чуть-чуть расслабиться и собраться с мыслями.

Итак, повторим все заново. Для того чтобы нанести яд на платье, нужно иметь емкость с распылителем и резиновые перчатки – защитить собственные руки от воздействия люизита. При этом отравитель должен понимать, что вещество будет испаряться, а значит, подействует на всех, кто прикоснется к платью задолго до самой жертвы. Да и подрассчитать, когда яд выветрится весь, не так-то и просто. Следовательно, наносить препарат следовало непосредственно перед контактом с жертвой, а сделать это могли лишь участницы. При этом лишь те из них, что прибыли значительно раньше остальных и либо первыми переодевались, либо заходили в комнату, где хранились костюмы. Они лучше других знали, кто наденет то платье. Вопрос в одном: кто именно это сделал?

Насморк и слезотечение – признаки легкого отравления, о которых говорил эксперт, – ничем мне не помогут. Наверняка убийца предусмотрел все до деталей и защитил себя.

«Очень странно, что отравитель решил расправиться со своей жертвой именно таким способом. Он ведь знал, что пострадать могли и невинные люди. Вдруг в самый последний момент кто-то другой взял бы платье в руки, чтобы, к примеру, помочь одеться Прокопчук? Ведь тогда яд подействовал бы и на него, – мысли завертелись, как юла. – Нет, другие вряд ли сильно пострадали бы, случись такое, – предположила я. – Предусмотрительный отравитель неспроста нанес яд лишь на труднодоступные участки: запястье, горловину, возможно, грудь, причем с внутренней части, а не с внешней, чем еще больше задержал процесс испарения. Значит, если кто-то и брал модель в руки, то, как это обычно бывает, соприкасался с ее плечиками или талией. Конечно, он мог отравиться, но к летальному исходу это не привело бы. Выходит, что удар нанесли точный и именно в того, в кого следовало. Стало быть, противник мне достался нешуточный. Придется потратить на него массу времени. Главное сейчас – решить, с чего начать».

Устало вздохнув, я откинулась на подголовник и попыталась немного расслабиться и определиться с дальнейшими действиями. Увы, кроме как «бросить кости» и попросить у них совета, ничего на ум не шло. «Кости», а точнее, три деревянных двенадцатигранника, являлись моими постоянными спутниками и добрыми советчиками. Я, человек, не верующий во всякого рода магию, между тем прикипела к ним всей душой, всего лишь однажды попробовав внять информации о грядущих событиях. Предсказание сбылось, и впоследствии я редко

сомневалась в их прогнозах. Зачастую, оказываясь в тупике и не зная, что делать, я искала поддержки у костей.

Достав магические «косточки» из сумочки, я принялась нещадно трясти бархатный мешочек. Потом высыпала двенадцатигранники к себе на колени и посмотрела на образовавшуюся комбинацию. «Косточки» показывали следующее: 11+36+17. Данная комбинация означала следующее: «Как бы плохо Вы ни думали о женщинах, любая женщина может подумать о Вас еще хуже».

«Ну спасибо, „косточки“, уважили, – собирая своих помощников обратно в мешочек, усмехнулась я. – Я ожидала услышать от вас хоть что-то ободряющее, а вы... Опять думы, размышления, проблемы. Ведь только и делаю, что думаю и анализирую происходящее».

Женщины, думы, хорошие, плохие... Все эти слова, казалось, витали по кругу в моем мозгу, тщетно пытаясь ухватиться за что-либо и дозреть во что-то важное и значительное. Я боялась сделать лишнее движение, чтобы не спугнуть момент озарения. И вот он настал, обнажив и без того очевидное: то, что мы думаем о человеке и чувствуем по отношению к нему, мы чаще всего выражаем эмоционально, произвольно и не всегда осознанно. То же самое, похоже, было и с Ляминой, когда она косилась на Прокопчук во время репетиций. Ведь было очевидно, что у нее на Инну имеется зуб, не просто же так она от нее нос воротила и недобрые взгляды бросала. Даже Наташка это заметила.

«К тому же, – переключилась вновь на активное мышление я, – если мне не изменяет память, то Прокопчук была следователем в управлении по налогам, а Лямина занималась каким-то бизнесом. Не исключено, что они столкнулись именно на этой узенькой дорожке и что-то там не поделили. А бизнес – дело грязное. На что только люди не идут, вплоть до убийства! Могу предположить, что эта неприятная особа Лямина пыталась подкупить Прокопчук, но поняв, что ничего не выйдет, предпочла с ней расправиться. Пожалуй, эту версию следует раскрутить, ведь неприязнь между девушками налицо, а значит, причина убить Инну у Зинаиды, скорее всего, имелаась».

Лямина у меня, как, впрочем, и у всех остальных конкурсанток, положительных эмоций не вызывала. От нее веяло агрессивностью и высокомерием. А про поведение и говорить нечего: Зинаида с самого начала репетиций не переставая спорила с модельером и возмущалась по поводу и без него. Ей многое не нравилось, многое раздражало. Она, по-видимому, считала себя выше других и злилась, что никто не уделял должного внимания ее персоне. Такая действительно могла пойти на убийство.

Внутренне порадовавшись тому, что хоть что-то, наконец, сдвинулось с места, я задумалась, каким образом можно выяснить, что же действительно произошло между этими двумя особами. Если проблемы носили профессиональный характер, значит, о них знают лишь близкие Ляминой люди. Причем они могут быть обо всем предупреждены заранее, следовательно, ничего не скажут. Что-то должны знать и работники Министерства по налогам и сборам, где работала Прокопчук. Выяснить что-либо у них тоже не так-то просто: кто я такая, чтобы мне позволили вникать в их дела и стали делиться информацией?

«Впрочем, – спохватилась я в самый последний момент, – у меня ведь есть Киря, то бишь подполковник милиции Владимир Сергеевич Кирьянов, мой старый и очень хороший друг. Ему-то наверняка не составит проблем получить нужные сведения. Да и в помощи он тоже вряд ли откажет, прекрасно зная, что, отыскав виновного, я передам его не кому-нибудь, а именно его отделу, в очередной раз улучшив показатель раскрываемости преступлений. Вот такой у нас бартер».

Быстро достав из сумочки сотовый телефон, я набрала рабочий номер Кирьянова и стала ждать, пока он снимет трубку. Едва это произошло, я произнесла:

– Добрый день, Володя, это Татьяна.

– Узнал, – коротко отозвался он, а затем сухо спросил: – Что стряслось?

– Ничего, а что, разве должно?

– Да нет, так просто спросил, – засмутился сразу Кирьянов. – Ну так что там у тебя?

– Ничего особенного, просто мне необходима кое-какая информация, которую сможешь дать только ты. Поможешь?

– Смотря что тебе нужно.

– Мне необходимо узнать кое-что о следователе налоговой полиции Прокопчук Инне Геннадьевне. Ты, может быть, знаешь, что сегодня во Дворце культуры проходил показ коллекции Алены Мельник «Райские птицы»?

– Да вроде что-то слышал, – признался Киря. – А что?

– Ну так вот, я в нем участвовала, – продолжила я. – И не только я, но и Прокопчук. Она должна была демонстрировать самую последнюю модель, но платье оказалось отравленным. Прокопчук скончалась прямо на подиуме.

– Бог ты мой! – ужаснулся Володька. – А я и не знал. Странно, что до нас эта информация пока не дошла. Впрочем, может, другие и в курсе, я только что с выезда вернулся, не успел отчетность просмотреть. И что, – зачастил Киря, – ты взялась за это дело?

– Да. Меня нанял муж Инны. Он тоже присутствовал на показе и все видел собственными глазами.

– М-да... Не позавидуешь мужику, – сочувственно вздохнул Володька. – А от меня-то ты чего хочешь? Я вроде бы к налоговым службам никакого отношения не имею.

– Это я знаю, но все же, может, попробуешь для меня узнать, не случилось ли у Прокопчук каких-нибудь трений с некой Ляминой Зинаидой Емельяновной?

– Это той, у которой по всему городу бутики и салоны красоты? – уточнил Киря.

– Не знаю, но скорее всего, – честно призналась я и сразу спросила: – А тебе-то откуда об этом известно?

– Ха, так про эту девицу во всех управлениях анекдоты ходят, – отозвался он. – Ух и проворная, бестия. Представляешь, три года назад она со своим бойфрендом открыла салон по продаже автомашин. Ну, открыла и открыла, мало ли таких. Только вот салон этот в размерах рос, преображался, а налоги с него взимались крохотусенькие – мол, разорется салон, прибыли не приносит. Решила налоговая – тогда еще полиция была, – как бы к слову добавил Киря, – проверку у них организовать. Стали выяснять, что да как.

В трубке послышался смешок, и я поняла, что Кирю и самого забавляет эта история. Затем он продолжил:

– Оказалось, ребята продавали свои авто не за наличку и даже не через банк. Обычно-то как: купишь автомашину, деньги перечисляются на банковский счет, а банк уже сам отчисляет с этой суммы налоги. Так ведь платить их никому не хочется. А эти шустряки нашли способ законно увернуться от налогов. Они заставляли покупателей приобретать в банке векселя на сумму стоимости машины и ими расплачиваться за товар. Затем векселя обналичивали, а так как они не облагаются никакими налогами, в казну государства не поступало ни копейки. Пару-тройку дешевеньких машин, конечно, продавали, как и положено, а все остальное вот так. И что ты думаешь, остались безнаказанными. Адвокат был что надо: показал, что закон ребята не нарушают, да к тому же продавать за векселя ни один закон не запрещает. Ну да это давно происходило, а что там сейчас, даже сказать затрудняюсь. Только знаю, что поймать Лямину на крючок не так-то и просто. Она – человек решительный и рискованный. Подобно крысе – из любого капкана вылезет.

– Так, значит, кроме бутиков у Ляминой еще и автосалон имеется? – поинтересовалась я.

– Нет. Они его быстренько тогда сами свернули. Видно, побоялись, что налоговики не отстанут. Денежки разделили – и врассыпную. Лямина-то на заработанные бабки бутики и салоны красоты пооткрывала, а вот ее дружок укатил куда-то.

– А сейчас следственное управление к ней уже не цепляется? – спросила я, запоздало поняв, что частично на этот вопрос Кирия ответил две минуты назад.

– Представления не имею, – все же не стал мне напоминать о том Володя. – Скорее всего, цепляется, разве ж оно такую возможность упустит? Будет ждать до последнего, когда слабинку человек даст, а потом уж затянет. Клубочек закрутится, и все: тюремное заключение и конфискация имущества обеспечены. Это в первый раз выкрутиться вышло, а повторно может и не сработать.

– А ты не мог бы выяснить для меня этот момент? Ну, не занималась ли нынешним делом Ляминой Прокопчук? – рискнула попросить я Кирия.

– Э, нет, – сразу же отказался Володька. – Налоговики на нашего брата и так злые, что их всех разогнали и с нами объединили. Без особого приказа они на сотрудничество не пойдут. Ты лучше сама туда наведайся, объясни, что да к чему, может, смиростивятся, ответят.

– Смиростивятся, – уверенно заявила я. – Так значит, ты готов отправить своего лучшего друга кланчить у государственных работников информацию? Боишься подставить собственную спину под удар!..

– Нисколько. Просто хочу научить тебя обходиться и без моей помощи, как-никак, а не всегда могу прийти на выручку, я не вечный. Ну и, как говорят китайцы: хочешь помочь голодному, не давай ему рыбу, а научи ловить ее, – отшутился Кириянов.

– Ну спасибо, – сделав вид, что надулась, буркнула в ответ я и, сухо попрощавшись, сразу повесила трубку. На самом деле я, конечно, совсем не держала на Володьку зла и понимала, что если он сказал, что не может помочь, значит, это и в самом деле так: ну не всемогущий же он. Да к тому же, действительно, не все инстанции наших министерств внутренних дел ладят между собой. Зачем лезть на рожон без особой надобности? Ничего, выкручусь и сама.

Отбросив телефон в сторону, я повернула ключ зажигания и решительно тронулась с места. Дорога к месту работы Прокопчук заняла у меня полчаса. Я сбавила скорость и стала оглядываться по сторонам, ища место для парковки. С этим было сложно, так как весь участок около здания был до отказа забит самыми разными машинами. Несколько водителей даже не пожалели клумбу с цветами – заехали в нее задними колесами. Следовать их примеру я не собиралась. Поэтому пришлось вернуться назад и, оставив на маленькой улочке свою «девяточку», пешком вернуться к зданию.

Войдя в центральную дверь, я оказалась в маленькой пристройке, с двумя выходами и одним маленьким окошечком в стене. Не сразу поняв, для чего это нужно, я попробовала толкнуть вторую дверь и пройти дальше, но не тут-то было: дверь словно приросла к косяку и не желала даже двинуться. Нервно повторила попытку еще раз и тут услышала:

– Девушка, вы куда?

Не сразу поняв, откуда раздается этот голос, я завертелась на месте. И только сейчас заметила то самое застекленное окошечко, за которым восседал весьма упитанный, равнодушно разглядывающий меня охранник. Поняв, что именно он управляет второй дверью, я приветливо улыбнулась и полезла за своим липовым удостоверением. Я не боялась, что охранник его не признает, так как знала, что он даже не станет в него всматриваться. Сколько таких же он видит каждый день!

Так и получилось: ничуть не удивившись моим корочкам, парень вновь произнес:

– И все же, куда вы идете? Обязан спросить.

– В отдел Прокопчук Инны Геннадьевны, – ответила я на этот раз, предположив, что ее-то охранник должен знать в лицо, а не только по имени.

Мужчина кивнул и, нажав какую-то кнопку, уткнулся в журнал. Я растерянно потопталась напротив окна, решая, спросить ли о том, как до этого самого отдела добраться, или лучше не стоит. Потом подошла к двери и без труда открыла ее. Войдя в просторное, окрашенное в приятный светло-зеленый цвет помещение, осмотрелась по сторонам и направилась к сто-

ящим у окна молодым людям с намерением прояснить дальнейший путь. Подойдя ближе, я поздоровалась и спросила:

– Молодые люди, не подскажите, с кем я могу переговорить по поводу убитой Инны Прокопчук? Где находится тот отдел, в котором она работала?

Первые две минуты мужчины смотрели на меня ошалелыми глазами, словно я сказала что-то не то, но потом один из них все же ответил:

– Сейчас на второй этаж, потом налево и по коридору до самого конца. Увидите на двери номер «сорок пять», вам туда.

Поблагодарив ребят, я поднялась по лестнице на второй этаж. Оказавшись наверху, стала искать нужную дверь. Как и сказали мне молодые люди, она оказалась почти в самом конце. Причем возле нее стояли двое солидного вида мужчин и о чем-то увлеченно беседовали:

– Да не может этого быть, ну сам подумай. Мы его два дня назадпустили, – упрямо повторял один. – Ему что, хочется второй раз на тот же срок? Не-ет, он не мог.

– Ну, а тогда кто? – переспросил второй. – Других серьезных дел она и не вела.

– Так может...

– Извините, – подойдя к беседующим совсем близко, позволила себе их перебить я, – вы не скажете, с кем мне можно переговорить по поводу смерти вашей сотрудницы Инны Геннадьевны Прокопчук?

Лица обоих в то же мгновение стали не менее удивленными, чем недавно у ребят внизу. Возникало ощущение, будто все знают что-то, чего не знаешь ты. Словно бы Прокопчук жива, а меня просто обманули. Но ведь именно о ней – по крайней мере, я так решила – сейчас и разговаривали эти двое. Или нет?

Не став углубляться в причины столь странного поведения, я повторила свой вопрос, сделав его, правда, чуть короче. Вновь окинув меня изумленным взглядом, молодой светловолосый парень молча открыл дверь в кабинет, коротко попрощался с недавним собеседником и произнес, обращаясь ко мне:

– Заходите, поговорим.

Я послушно прошла в помещение и остановилась посередине небольшой в серых тонах комнатки. Стены были оклеены рельефными светлыми обоями в темную крапинку. Пол покрывал дешевенький ковролин. А из мебели присутствовали лишь два стола, столько же стульев, диван, сейф и огромные настенные часы в форме дома. Никаких цветов и тем более никаких уютных штучек здесь не было: на окнах жалюзи, все бумаги в столе или на нем.

– Вы хотели поговорить, – проходя за свой стол, вновь подал голос мужчина. – Я вас слушаю.

– Может быть, вы для начала представитесь, – предложила я скромно.

– Ах да, – исправился работник. Затем он встал со стула и, слегка кивнув, произнес: – Работник следственного управления Алексей Дмитриевич Рябкин, коллега и очень хороший друг упомянутой особы. Да вы садитесь, ноги-то не казенные.

Кивнув, я прошла к дивану и села, в свою очередь тоже представившись:

– Частный детектив Татьяна Иванова. По просьбе Тимофея Владимировича занимаюсь расследованием убийства Инны Геннадьевны.

– Ах, вон оно что, – вздохнул Рябкин. – А я-то в первый момент удивился, кто это что-то сообщить нам решил, да и вообще о случившемся узнал, ведь еще даже результаты экспертизы не прибыли. Так, значит, ее муж и вас к расследованию подключил. Его можно понять. Только если вы думаете, что мы станем делиться с вами своими версиями, вы очень сильно ошибаетесь. У вас своя работа, у нас своя. К тому же нам за нее таких денег не платят. Думайте сами.

– Вы слишком торопите события, – заметила я в ответ. – Я еще ничего не сказала, а вы уже сделали свои выводы. А наше сотрудничество, между прочим, может быть взаимовыгодным.

– Интересно, как?

– Ну, во-первых, я не просто детектив, но и человек, который сам участвовал в том показе и бросился на помощь Прокопчук, когда она упала. – Брови Алексея дружно поползли вверх, а я спокойно продолжила: – Во время репетиций я узнала кое-что интересное и могла бы подкинуть вам новенькую версию. Насколько я понимаю, своей-то у вас пока нет. А взамен вы бы просто ответили на несколько моих вопросов. Ну так что скажете?

– Вы умеете заинтересовать, – прищурившись, сделал мне комплимент Рябкин. А затем добавил: – Ладно, давайте попробуем. Все равно терять нам пока нечего. Так что вы можете рассказать?

Следователь все время пытался меня опередить и повернуть все так, чтобы отвечать на вопросы пришлось мне, а не ему. Ну что ж, поиграем в интеллектуальную игру.

– Проанализировав все, о чем мне известно, я кое о чем подумала, но не уверена пока, что двигаюсь в верном направлении. Чтобы не сбивать и вас с правильного пути, спрошу: занималась ли Прокопчук в последнее время делами Ляминой Зинаиды Емельяновны?

– Что вы имеете в виду? – тут же насторожился Рябкин.

– Пока ничего, но вы не ответили, – возвратила я его к вопросу. – Так она занималась ее делами?

– А-а, – видимо, о чем-то догадавшись, протянул Алексей. – Так, значит, вы подозреваете Лямину? Можно узнать, почему?

– Она была среди остальных участниц, и я заметила, как агрессивно обе вели себя по отношению друг к другу, – на этот раз честно призналась я.

– Что ж, не хочу вас разочаровывать, но вы ошиблись, – победно улыбнулся Рябкин. – Ляминой совсем ни к чему было убивать Прокопчук. Да, Инна действительно вела ее дело и порядком доставала по вопросам налогов три года назад. Затем все утихло, так как мы проиграли дело. У Зинаиды оказались классные адвокаты, а ведь ее могли пустить по миру. Впрочем, почему «могли» – ее делами занимаются и сейчас. Вот только другой следователь.

– А сама Лямина об этом знает? – все же поинтересовалась я, предположив, что женщина просто могла по ошибке решить, что ее дело снова поручили Прокопчук.

– Естественно, ей ведь периодически устраивают проверки. Могу даже сказать, что она не только знает всех следователей и оперов в лицо, но и половину из них давно уже купила. Уверен, и на этот раз ей удастся выйти сухой из воды.

– Что ж, значит, я действительно ошиблась, – вынуждена была признать я. – Мне казалось, Прокопчук приперла Зинаиду к стенке, и та решилась на ее убийство. Теперь вижу, что все совсем не так. Женщины просто вспомнили старое, вот немного и поскандалили друг с другом.

Расстроено вздохнув, я поднялась и направилась в сторону двери. Но покинуть кабинет все же не успела, так как Рябкин торопливо окрикнул меня:

– А куда это вы направились? Опираясь на вами же сказанные слова о том, что вы лично участвовали в показе, вынужден задержать вас на некоторое время для дачи показаний. Увы и ах. – Мужчина растянул рот в улыбке и развел руки в стороны: – Такова наша работа.

Глава 3

Лишившись так славно найденного мотива для убийства и первого подозреваемого в убийстве Прокопчук, а также проведя больше часа в кабинете следователя, мучимая дотошными вопросами, я покинула управление в отвратительнейшем настроении. Рябкин оказался на редкость назойливым типом и умудрился-таки вытянуть из меня всю информацию, какой я только владела. Впрочем, я и не особенно старалась что-либо скрыть, ведь мне пока еще толком ничего не было известно – расследование едва начато, и рассчитывать на столь скорый результат глупо. И все же настроение он мне порядком испортил.

Прекрасно понимая, что в таком состоянии лучше сначала постараться успокоиться, вернулась к своей «девятке», села в салон и закурила. Начавший тут же проникать в кровь никотин сделал свое дело, и через несколько минут я действительно сумела расслабиться. Солнце напоследок, перед уходом за горизонт, ярко слепило глаза. Вокруг сустились люди, отъезжали и подъезжали машины, а я равнодушно наблюдала за всем со стороны. Голова окончательно опустела, совсем не хотелось ее хоть сколько-то напрягать и вновь думать над тем, кто, за что и почему убил Прокопчук.

«Может, сегодня и в самом деле ничего больше не предпринимать? – спустя некоторое время спросило мое второе „я“. – А начать заново завтра. Не зря же в народе говорится: „Утро вечера мудренее“.»

Не став спорить с самой собой, тем более что это было просто бесполезно, спокойно завела машину и направила ее напрямик к дому. Я ведь, наивная, верила, что мне все же удастся расслабиться и забыть о работе. Да не тут-то было. Не успела я войти к себе в квартиру, как мне позвонили. Взволнованная Алена Алексеевна, забыв даже представиться, торопливо произнесла:

– Татьяна Александровна, я, кажется, знаю, кто пропитал платье ядом. Я почти уверена в том, что это сделала она. Больше никому было. Она входила вечером в костюмерную. И как мы сразу про нее не вспомнили!

– Про кого? – наконец сумела вставить пару слов я.

– Да уборщица. Ну, та, что во Дворце культуры работает. До меня только сейчас дошло, что она костюмерную мыла еще с вечера, когда репетиция закончилась. А последние-то расходились едва не за полночь. Она еще тогда меня попросила дверь не запирать и ключ ей оставить, чтобы можно было полы протереть. Я и оставила. Кто ж знал...

– А откуда эта самая уборщица могла узнать, какое именно платье будет на Прокопчук? – вопрос сам слетел у меня с губ.

– Откуда? – повторила Мельник, а затем продолжила: – Так она почти на всех репетициях присутствовала. Все платьями любовалась. Персонал ведь в курсе был, кто и в чем из вас будет. На генеральном прогоне все как положено происходило. Ну она это, точно она.

– Хорошо, я проверю эту женщину, – понимая, что возразить мне пока нечего, пообещала я в ответ.

Мельник заметно успокоилась, уже более ровным голосом поинтересовалась, не стало ли известно что-то еще – скорее из вежливости, чем действительно из любопытства, – а затем спешно простилась и повесила трубку. Я устало плюхнулась на диван.

«Что ж, видно, с отдыхом придется повременить, – мелькнула в голове мысль. – А ведь забавно: едва ты решаешь отложить все на завтра, как новые подозреваемые бегут тебе в руки сами. Бери – не хочу. Впрочем, я согласна поблагодарить провидение за помощь, но не более. Проверять-то женщину все равно придется мне самой».

Не став засиживаться, тем более что потом будет гораздо сложнее вновь сосредоточиться на работе, я заглянула в кухню, приготовила кофе и выпила чашечку. Затем перезвонила во

Дворец культуры и, поинтересовавшись у секретарши, на месте ли уборщица, предупредила, что сейчас приеду. Девушка пообещала, что передаст той, чтобы не уходила.

Не стану описывать все трудности пути, подстерегающие любого, кто рискнул выехать на трассу в вечерний час пик. Скажу лишь, что когда я прибыла во Дворец культуры, то нашла новую подозреваемую прямо в холле, где она в тот момент устало намывала полы. Возбужденной или нервничающей она мне не показалась, отчего я даже решила, что ее не оповестили о моем приезде. Но нет, едва я подошла ближе и окликнула ее, женщина сразу повернулась, окинула меня внимательным взглядом и полуутвердительно спросила:

– Вы детектив?

– Да, – кивнула я в ответ. – Вижу, вас предупредили, что я хочу поговорить.

– Да, мне сказали, – кивнула уборщица, а затем добавила: – А я вас помню. Вы во время показа первой к убитой подбежали. На вас еще костюмчик такой замечательный был, мне очень понравился.

– Это все так, но сейчас речь не об этом, – заметила я, попутно рассматривая довольно молодую женщину и припоминая, что действительно не раз замечала ее стоящей у входной двери во время репетиций.

Женщина оказалась вполне обычной: не красавицей, но и не страшненькой. Темные волосы имели каштановый оттенок, тонкие брови над темно-зелеными глазами были аккуратно выщипаны, губы очерчены нежно-розовым карандашом и немного подкрашены естественного цвета блеском. На вид ей не более тридцати лет, может, даже меньше. А вот в денежном плане у нее, очевидно, не все в порядке: и одета скромненько, и работой грязной не гнушается. Такая вполне могла повестись на огромную сумму денег и согласиться оказать кровавую услугу – жить-то ведь как-то нужно. Правда, пока это лишь догадки, которые я решила проверить прямо сейчас.

Я попросила женщину представиться.

– Да, конечно, – кивнула она. – Римма меня зовут.

– Очень приятно, а я – Татьяна, – напомнила на всякий случай я. – Как вы уже поняли, меня интересует недавнее происшествие.

– Оно сейчас всех интересует, – перебив меня, продолжила женщина. – Весь день после него насмарку пошел, все охают, ахают, вздыхают. Директор на всех наорал, мол, недосмотрели, а куда надо было смотреть? Разве мы знали, что кого-то убьют?

Я дождалась, когда Римма будет готова выслушать меня.

– Мне сообщили, что вы были последней, кто заходил в костюмерную перед показом. Вы должны были там мыть полы, ключ оставляли именно вам. Это действительно так?

– Ой! – зажала рот рукой женщина и испуганно уставилась на меня. – Это что же получается? Меня подозревают?

– Почему вы так испугались?

– Да я не испугалась, просто и не думала даже, что меня могут заподозрить. Я ту девушку и не знала.

– Ну, для того чтобы пропитать платье ядом, необязательно кого-то знать, – осторожно заметила я, внимательно следя за изменением выражения лица женщины. – Ведь так? Признайтесь честно, вас кто-то подкупил, чтобы вы это сделали. Кроме вас, к вещам никто не приближался. Вы были последней, кто входил в костюмерную, – стояла я на своем.

– Совсем нет, – активно замотала головой Римма. – Я, когда полы мыла, не одна там присутствовала.

– А с кем же?

– С Надеждой Антоновной.

– Это еще кто? – удивленно переспросила я.

– А это наш завхоз. Она в тот день задержалась, а так как мы рядом живем, решили домой вместе пойти. Вот она меня и ждала, прямо в дверях стояла. Так что увидела бы, если б я что-то сделала. Вы спросите, Надежда Антоновна подтвердит, что я правду говорю, – боязливо предложила Римма.

– Хорошо, я спрошу у нее об этом. Возможно, вы действительно никакого отношения ко всему происшедшему не имеете, но я просто обязана вас проверить. Так что уж не обижайтесь.

– Да ладно, чего уж там, – смущенно отвела взгляд в сторону женщина. – Я все понимаю.

Узнав у уборщицы, где можно найти завхоза, я незамедлительно прошествовала к его кабинету и, застав женщину на своем рабочем месте, приступила к расспросу. Вся беседа заняла у меня десять минут. Надежда Антоновна действительно подтвердила, что стояла в коридоре перед костюмерной и ждала Римму, чтобы пойти с ней домой. При этом они все время общались, обсуждали новоиспеченных моделей и сам показ, и, если бы уборщица и рискнула что-то там сделать, Надежда наверняка бы это заметила. Одним словом, завхоз была абсолютно уверена, что Римма не причастна к убийству.

Я недолго сомневалась в словах обеих работниц, так как понимала, что втягивать в это дело двоих заказчик убийства – а он, несомненно, был – ни за что не стал бы. Если бы он нанял уборщицу, то та постаралась бы пропитать наряд ядом в тот момент, пока рядом никого не было. Но рядом находилась Надежда Антоновна. С другой стороны, если убийца – она, тогда ей необходимо было уйти последней и, дав Римме время на переодевание, самой запереть гардероб. Сейчас же обе женщины утверждают, что закрывала дверь на ключ именно Римма.

Нет, можно, конечно, допустить, что Надежда Антоновна или сама Римма все же нашли время для осуществления задуманного, и оно не совпало со временем уборки кабинета, но мне-то в этом точно никто не сознается. Как бы там ни было, женщины не глупы и сами наговаривать на себя не станут. Зато есть надежда, что, если кто-то из них виновен, своими расспросами я спугну его, и он постарается в ближайшее время уволиться с работы или же попробует как-то обезопасить себя. Нужно лишь повнимательнее наблюдать за происходящим.

Вернувшись в машину, я подытожила результаты разговора и пришла к выводу, что необходимо заново пообщаться с мужем убитой. Сразу поговорить с ним мне не удалось, а ведь он мог знать, кто из участниц показа не ладил с его женой. Заодно стоит спросить у него, не подозревает ли он кого-то из общих друзей, знакомых, родственников. Ведь исполнителем мог быть любой человек, а значит, следует прежде всего попытаться выйти на заказчика – то есть на того, у кого был серьезный мотив для совершения этого преступления. А уж определиться с исполнителем куда проще.

Придя к такому выводу, я достала из сумочки сотовый телефон и отыскала в блокноте номер телефона мужа Прокопчук. Прокопчук взял трубку сам и глухим усталым голосом произнес короткое:

– Слушаю.

– Тимофей Владимирович, это Татьяна, – первым делом представилась я. – Извините за беспокойство, но у меня к вам дело.

– Внимательно слушаю, – серьезным тоном ответил Прокопчук.

– Я бы хотела еще раз поговорить с вами о возможных недругах вашей жены. Я понимаю, что сейчас не самое лучшее время, но и вы должны отдавать себе отчет, что чем раньше я это узнаю, тем быстрее найду виновного в ее смерти. Когда мы могли бы встретиться?

– Только завтра, сейчас не могу, – откликнулся Тимофей Владимирович. Я слышала, что рядом с ним что-то, а скорее кто-то воет и причитает.

Предположив, что, возможно, это родители жены или другие родственники, я поняла, что время для беседы и в самом деле не особенно подходящее, а потому согласилась на отсрочку разговора, сказав:

– Тогда давайте завтра. С утра.

– С утра... Пожалуй, можно. Но я свободен только до половины девятого, потом займусь приготовлением к похоронам. В восемь часов вас устроит?

– Вполне, – не став даже торговаться, сразу согласилась я. – Так, значит, до завтра. В восемь обещаю быть.

* * *

Новый день, как и всегда, начался для меня с будильника. Я намеренно завела его на шесть часов, боясь не успеть заехать к Прокопчуку перед тем, как тот уедет в столовую обговаривать меню.

Дотянувшись рукой до дребезжащего устройства, я отключила звонок и сладко потянулась. Вставать не хотелось, но я заставила себя спустить ноги с кровати и, приведя тело в отчасти вертикальное положение, принялась тереть все еще слипающиеся глаза. Потом встала и начала сонно стягивать с себя ночную рубашку, понимая, что нужно облачиться в нечто более подходящее для прогулок вне дома.

Оторвавшись от постели, я решительно приблизилась к бельевому шкафу и, распахнув его, стала прикидывать, что бы лучше сегодня надеть. Учítывая то, что на данный момент у меня никаких планов заняться физической работой – погонями или слежками – нет, но между тем они не исключены после беседы с Тимофеем Владимировичем, мне требовалось что-то солидное и строгое, дающее понять, что я – человек серьезный, и в то же время не стесняющее движений. Терпеть не могу, когда одежда жмет и ты думаешь только о том, как бы не распоролся шов. Потому, занимаясь расследованием, я никогда не одеваюсь в первое, что попадает под руку.

Внимательно осмотрев все то, что висело в шкафу, я остановила свой выбор на красивом классическом весеннем костюмчике: блузке с коротким рукавчиком и юбке с двумя высокими разрезами по бокам. Мне повезло, что все оказалось выглажено, так что оставалось привести себя в порядок и облачиться в костюм. Не мешкая, я сняла вещи с вешалки и вместе с ними пошла в ванную комнату.

Я переоделась, дополнила костюм изящной тоненькой цепочкой, волосы собрала в узел и, закрепив его шпильками, с одного бока даже украсила прическу маленьким цветком со стразами вместо настоящих камней. Затем нанесла на лицо тональный крем, за ним – румяна и, растушевав их по скулам, взялась за тушь. Несколько умелых движений – и от моих глаз уже нельзя было отвести взор. А уж когда я нанесла на губы помаду и блеск, в зеркале отразилась самая настоящая красавица.

В очередной раз укрепившись во мнении, что красивее меня еще поискать надо и неспроста меня пригласили на тот показ, я кокетливо улыбнулась своему отражению и поспешила в кухню, чтобы немного перекусить.

Расправившись с кофе и булочками, я перекочевала в машину и, заведя ее, тут же тронулась в путь. Пока еще можно было не спешить, ведь Тимофей Владимирович назначил встречу на восемь. Однако не стала рисковать, поскольку знала, что скоро на дорогах возникнут пробки. Я ехала быстро и уже через полчаса оказалась у нужного дома. Припарковав машину возле подъезда, поднялась на третий этаж и, сверив номер квартиры с записанным, с силой нажала на дверной звонок.

– Вам кого? – бегло окинув меня каким-то потухшим взглядом, без всякого интереса спросила открывшая мне женщина.

– Тимофей Владимирович дома? – поинтересовалась я.

– Дома, – кивнула женщина. Затем подождала, не скажу ли я чего еще, и добавила: – Проходите, не стойте в дверях. Он в дальней комнате сидит.

Я проследовала за женщиной в квартиру, быстро разулась в коридорчике и, всунув ноги в предложенные тапочки, отправилась на поиски хозяина. Добравшись до дальней комнаты, осторожно постучала в дверь, но, так как мне никто не ответил, тихонько толкнула дверь от себя и прошла внутрь.

Тимофей Владимирович сидел за столом и, нацепив на нос какие-то немыслимые очки, внимательно изучал фотографию в деревянной рамочке. Казалось, он даже не присутствует на грешной земле, а давно уже отбыл в мир иной, настолько отрешенным и задумчивым был его взгляд. Мужчина не спеша поднял на меня глаза и равнодушно выдохнул:

– А, это вы.

Я не знала, как себя вести: уйти и не мешать овдовевшему супругу или все же рискнуть с ним поговорить? Решение принял сам Прокопчук. Он отставил фоторамку в сторону, указал мне на диван напротив себя и предложил:

– Да вы присаживайтесь, что в дверях-то стоять. Садитесь, спрашивайте, что хотели. А на мое состояние внимания не обращайтесь. Не люблю, когда меня жалеют.

Я согласно кивнула и, усевшись на диван, не спеша скользила глазами по комнате. Ранее веселенькая, с игривыми розовыми обоями, сейчас она выглядела на редкость неуютно и угрюмо. Все зеркала и даже экран телевизора закрыты кусками темной ткани. Большинство украшающих интерьер вещей убрано. Да к тому же в самом углу, возле кровати, вплотную друг к другу уже стояли погребальные венки. От них веяло холодом и обреченностью. Торопливо отведя от них взгляд, я повернулась к молчаливо ждущему моего вопроса Тимофею Владимировичу и заговорила:

– Как я уже и сказала, приходится вернуться к горестному событию. Узнав результаты экспертизы и переговорив с некоторыми специалистами, я пришла к выводу, что нанести отравляющее вещество на платье мог только тот, кто постоянно находился рядом с ним, да к тому же знал, что данную модель станет демонстрировать ваша жена. Подозрение сразу падает на участниц показа. Мне стало известно, что ваша жена конфликтовала с Зинаидой Ляминой, но ее я уже проверила и выяснила, что она непричастна к убийству. Возможно, кто-то еще из женщин также имел зуб на Инну Геннадьевну. Я хотела бы показать вам список участниц, вдруг вы что-то вспомните.

– Не стоит, – остановив меня и не дав достать из сумочки список, который я составила еще вчера вечером, произнес Прокопчук. – Вы, видно, забыли, что я сам присутствовал на показе и воочию видел каждую девушку.

– Но одно дело – видеть, а другое – знать, кто они такие, – возразила я. – Вдруг какая-то фамилия у вас на слуху, но вы просто не знакомы с этим человеком?

– Это вряд ли, – замотал головой Прокопчук. – У нас с женой друг от друга не было секретов, и она рассказывала мне обо всех участницах этого шоу. Однажды заезжал за ней после репетиции, и она объяснила мне, кто есть кто. Лямину прекрасно помню, хотя и не думаю, что эта женщина способна на убийство. Насколько мне известно, она – игрок. Предпочитает решать проблемы обманом, брать хитростью, в крайнем случае – с помощью денег. Марать руки – не ее стиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.